

нии этнографии Императорского Русского Географического общества. СПб., 1889. С. 76, 79.

³¹ Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России, составленная князем В. Н. Тенишевым // Быт великорусских крестьян-землепашцев. СПб., 1993. С. 355—469.

³² Н. В. Крестьянские волостные суды // Русский вестник. 1862. Т. 41. С. 365.

П. С. Дубровский

ЭТИКА ДЕТСКОГО ТРУДА В НАРОДНЫХ ПРОМЫСЛАХ (по сказам П. П. Бажова)

Часто с возрастом отношение к книгам, прочитанным в детстве, меняется. Как подмечено, это говорит о переоценке отношения к жизни — что нормально, поскольку давно известно: взрослея, человек сопереживает и учится у тех героев, которые ближе и понятней ему сейчас. Однако есть книги, не подвластные возрасту и времени знакомства с ними, понятные и взрослым и детям. На мой взгляд, это книги Павла Петровича Бажова.

Если посмотреть на произведения Бажова с точки зрения российской рыночной экономики XIX в., то можно проследить (выделить) специфику морально-нравственных сторон чисто российского предпринимательства. Присутствие же детей в этой среде только усиливает впечатление.

Бажов в силу своего социального происхождения никогда не был сторонником прихода прозападнического рынка в Россию. Выходец из среды священнослужителей и сам священнослужитель по образованию¹, Бажов, несмотря на участие в революционном движении и официально до конца жизни оставаясь сторонником социалистических преобразований, в душе сохранил нравственные принципы духовной чистоты, в жизни чаще свойственные детям.

При попытке обрисовать картину жизни низов Российской империи в сложный период перехода от патриархальных основ допетровской России, с ее специфическими торговыми, политическими и духовными отношениями, к принципам западной, во многом построенной на ссудном проценте, рыночной экономики, активно навязываемой Петром I, Бажов, исследуя внутренние корни этих противоречий, сумел в “независимой” литературной форме сказов раскрыть и показать то, что было невозможно выразить в советское время открыто. Подобный подход использовали и братья Борис и Аркадий Стругацкие, подавая в форме фантасти-

ческих сюжетов те идеи и мысли, которые противоречили, а иногда и подрывали основы строя и, конечно, не могли быть приняты официальной цензурой. В произведениях братьев Стругацких, как и в произведениях Бажова, часто бывает сложно выделить организующее начало добрых и злых, белых и черных сил, выполняющих в зависимости от ситуаций не свойственные им функции. Это и образ Малахитницы у Бажова, составляющий во многом духовную основу его произведений, и образ Странников у Стругацких, исподволь, ненавязчиво проводящий основную философскую идею произведений. Во многом эти образы перекликаются и с персонажами знаменитого творения М. А. Булгакова “Мастер и Маргарита”.

Особое место в сказах Бажова отведено детям. Будучи сам близко знаком с представителями горнозаводского дела, Бажов еще с детства проникся духом гордости за профессионализм рабочего человека. И хотя тяга к учебе привела его в писательскую среду, на протяжении всей жизни он стремится подвести, подтолкнуть читателя к поиску своей “живинки в деле”, найти единственный предназначенный свыше путь и с честью пройти его.

Как пишет сам Бажов, от детей секретов не было. С ранних лет он с интересом, а часто с восторгом, слушал рассказы бывалых рабочих о труде и мастерстве, о профессиональных тайнах. Он сам еще не изведал всей тяжести заводской доли, но уже был готов трудиться, ибо на это была направлена вся система домашней педагогики в семье русского рабочего. Дети знали, что такое “урок” и штраф, что такое “черный список” и телесные наказания. Однако кроме теневых сторон жизни “рабочих людей” отрывалось перед ними и нечто большее — вдохновение труда творческого. Причем в силу различных причин с этим трудом дети сталкивались иногда с раннего детства. Герои “Голубой змейки”, Ланко Пужанко и Лейко Шапочка, не стремясь к собственной выгоде, поняв, что только трудом и честностью по отношению к товарищу можно заслужить благосклонность Тайных сил, получают золотой песок в подарок и желанную перемену в семью, сватов задержавшейся в девках сестре Марьюшке. Еще более явно выражено отношение к детской старательской удаче в сказе “Ключ земли”. Приисковая девчонка Васенка, “счастливый глазок”, удачливая на “редкий камушек”, несмотря на зависть и притеснение со стороны приисковых женщин, все же находит свое маленькое счастье. В фантастическом сне замерзающего человечка “один камешек к Васенке подлетел да, как котенок головенкой, в руку и ткнулся — тут, дескать, я, возьми!”².

Раскрывает Бажов и природную предрасположенность либо к честному труду, либо к изворотливости и непорядочности во всех сторонах будущей жизни еще с детских забав. В сказе “Про Великого Полоза”, показывая богатство мальчуганам, братьям Пантюшке и Коське, прозорливый Полоз спрашивает у местного колдуна-старателя Семеныча: “А не испортим мы с тобой этих ребятишек? — Все люди на одну колодку. Пока в нужде да в бедности, ровно бы и ничего, а как за мое охвостье поймаются, так откуда на них всякой погани налипнет. ...Меньшой-то вон тонкогубик. Как бы жадный не оказался.”³. Так и вышло. Выросли братья, обстроились, даже воля от отца досталась. Казалось бы, живи и радуйся, но предательство младшего не принесло ему счастья. Хитростью полученная вольная, вновь потребованная начальством, отнятое у брата вместе добытое золото, непорядочность в отношениях с друзьями и близкими в конечном итоге привели Коську к могиле, не без помощи Тайных сил конечно.

Долгими зимними вечерами слушали ребята рассказы о таинственных, фантастических помощниках в работе, о встречах рудознатцев с самой Хозяйкой, Девкой Азовкой и даже с Золотым Полозом, которые иногда добры, а иногда и откровенно враждебны человеку, и сам того не ведаешь, сулит ли встреча с ними удачу или же гибель. Сказка, конечно, но все же страшновато. В этом особая воспитательная роль сказов Бажова.

Другими чудесными персонажами, связанными с приисковой жизнью, являются Огневушка-поскакушка и Бабка-Синюшка, способная красной девкой обернуться. К таким же персонажам относится козлик Серебряное копытце, дающий удачу сиротке Даренке, и кошка Муренка, фантастическим образом пропадающая в конце сказа, как кот в английских народных сказках, крикнувший: “Теперь я кошачий король” и исчезнувший в огне камина. Эти сказы Бажова ближе сказкам, он и сам их иногда так называл. Здесь золото и дорогие камни часто открываются детям, в особенности сиротам, обездоленным, тем, кому издавна сочувствует народная повесть. Дети бескорыстны, им свойственны любознательность, стремление увидеть невиданное, узнать новое и неведомое, испытать свои силы, приобщиться к взрослому труду.

В сказе “Жабреев ходок” с достоинством отвечает Дениска испытывающему его старателю Никите Жабрею: “Милостыни не собираю. Вырос — свой хлеб ем”. Когда же уязвленный его упорством Жабрей бросает ему под ноги золотой самородок, Дениска “поглядел только да сказал: такой бы лапоток самому добыть лест-

но, а чужого мне не надо”⁴. Терзающие душу старого старателя раздумья порождают желание открыть тайну “каменных губ” бескорыстному подростку, но этим он только усугубляет его непростую жизнь (Дениска попадает в острог), а самого Жабрея тайна приводит к смерти. Придя из тюрьмы и желая отыскать справедливость, а заодно и отомстить за учителя, Дениска находит сказочную “мурашину тропушку”, но и здесь только отсутствие алчности и желания обогатиться задаром спасают его от “каменных губ”. “Видно, я пожадничал, куда мне столько? Возьму две штуки. Одну Никите на помин, а другую себе — и хватит. Надумался так — губы и раскрылись — выходи, дескать”⁵. Возмездие находит настоящего убийцу Жабрея, но сам способ реализации этого возмездия юридически беззаконен. Положительный персонаж в сказках Бажова часто, вольно или невольно, становится убийцей. Очевидно, в этом Бажов видит безысходность системы, отсутствие возможности найти справедливость. Наверное, поэтому в сказках Бажова добро и возмездие часто бывают “с кулаками”, иногда с открыто криминальным оттенком, что, благодаря литературной форме изложения, прикрывается дымкой народной фантастики.

Особое место занимает образ детей в главных, “родовых”, фантастических сказках Павла Петровича, в произведениях, объединенных образом Малахитницы, Медной горы Хозяйки. Впервые произведение с этим образом было напечатано в 1936 г.⁶ Относительно происхождения сюжета Бажов вспоминал: “...Этот образ далеко перерос свой первоначальный. Хозяйка горы стала олицетворением мощи, богатства и красоты недр, которые раскрываются полностью только перед лучшими представителями трудящихся. Образ ящерицы как воплощение Хозяйки горы достаточно ясен для всякого, кому случалось видеть открытый выход углекислой меди или ее разлом. По цвету, а иногда и по форме здесь сходство очевидное. Можно думать, что подвижность и веселый вид ящерицы получили отражение в образе Хозяйки горы”⁷. Из девяти сказов, примыкающих к основному — “Медной горы Хозяйка”, образ детей в рабочей или старательской семье присутствует как минимум в четырех: “Малахитовая шкатулка”, “Каменный цветок”, “Хрупкая веточка” и “Таяткино зеркальце”. Хотя в той или иной форме, эпизодически, часто косвенно, дети присутствуют во всех произведениях Уральского Сказочника.

Сосуществование человека и тайных сил, выраженное посредством детского образа, обрисовано в одном из самых красивых сказов Бажова — “Малахитовая шкатулка”. Образ красавицы Таяшки дает широкое поле для размышления. По сюжету так до

конца и не ясно, кто же эта девчушка, которая единственная может играть и украшать себя Хозяйкиным приданым. Почему этот “черный глазок” перенимает с полуслова сложную науку шелковой вышивки у захожей жилички и единственно ее воспринимает как родную, а та и вовсе называет ее доченькой. Почему не хочет Танюшка связывать свою жизнь с земным человеком: “Мамонька, ведь знаю я, что тут моей судьбы нет. То никого и не привечаю и на игрища не хожу. Что зря людей в тоску вгонять?”⁸ И, наконец, фантастический финал сказа, когда зеленоглазая красавица растворяется в малахитовой стене царского дворца, сделанной ее умершим отцом. И хотя в сказе приходящая женщина-жиличка не названа открыто Хозяйкой, по всему тексту понятно, что именно она настоящая мать Танюшки и явилась навестить, научить и наставить свое дитя. Очевидно, в надреалистической форме сюжета Бажов пытался рассуждать о добре и зле, о путях поиска ответов на извечный философский вопрос: кто мы, зачем и откуда?

Рождение мастера из еще не оформившихся детских ощущений и предчувствий показано в следующем фантастическом сюжете о Даниле Недокормыше. Внутреннюю силу дает ему единение с природой и умение находить способы выражения своих ощущений в доступной для окружающих людей форме. “...Девки-бабы просят: — Сыграй Данилушко песенку.

Он и начинает наигрывать. И песни все незнакомые. Не то лес шумит, не то ручей журчит, птички на всякие голоса перекликаются, а хорошо выходит”⁹.

Мир Бажова во многом перекликается с миром фэнтези Толкиена, Саймака, Урсулы ле Гуин, где мир эльфов, гномов, гоблинов и других фантастических персонажей мирно уживается и сосуществует с земным человеком. Именно Данила находит путь к душе старого и недоступного в своем мастерстве камнереза Прокопьяча. Внутреннее знание подсказывает еще не опытному в рабочем деле подростку красоту порушенного профессионалом зеленого камня. Старый мастер “одну кромку закроет, другую... прибавит поле, убавит. Так поставит, другой стороной повернет, а все выходит, что парнишка лучше узор понял.

— Вот тебе и Недокормышек! — дивится Прокопьяч. — Еще ничем-ничего, а старому мастеру указал. Ну и глазок! Ну и глазок!”¹⁰.

Данила, тип гумилевского пассионария¹¹, который в продвижении внутренней цели ставит под сомнение закон (бросает работу и недоделанный заказ), нравственные принципы (оставляет умирать одинокого учителя и покидает невесту), даже собственную жизнь (уход к Хозяйке в Горные Мастера). И хотя возвращение в

наземный мир приносит Даниле успех и славу Горного Мастера, истинного человеческого счастья “предпринимателя-мещанина”¹², по Вернеру Зомбарту, он так и не находит: “...нет-нет — и задушается Данило”¹³.

Другим типом развития и взращивания природного таланта, опять-таки не без участия Тайных сил, является сказ-продолжение “Хрупкая веточка”. Именно ущербный с детства, но “не озлобившийся”¹⁴, сын Данилы и Катерины, избавительницы из подземного царства Малахитницы, становится наследником отца в мастерстве и природной сметке. Двойной сюжет сказа показывает, с одной стороны, беззащитность мастера перед властью, когда один вид того, что крестьянские дети бегают в хромовых сапогах приводит барина в бешенство, и даже слава Данилы как первого камнереза — Горного Мастера не спасает семью от унижительного “урока”. И когда тот же хозяин, промышленник Турчанинов, взбешенный невысокой ценой поделочного камня, предназначенного в подарок его дочери, уничтожает “диким мясом”¹⁵ лучшее творение талантливого подростка, тот, уже не отдающий себе отчета, опять же прибегает к насилию и случайно убивает самодура. С другой стороны — линия Хозяйки, выражающаяся в поощрении и наставлении молодого таланта: «Сидит Митюха, обтачивает свои ягоды из купецкого матерьяла, а сам все о том же думает: “Из какого бы вовсе дешевого камня такую же поделку гнать?”».

Вдруг просунулась в окошко какая-то не то женская, не то девичья рука, с кольцом на пальце и в зарукавье, — и ставит прямо на станок Митюньке большую плитку змеевика, а на ней, как на подносе, соковина дорожная”¹⁶. И здесь даже простому человеку Тайная сила счастья не приносит. В результате — опять же маргинальный подход к правосудию. Нечаянно убив ненавистного хозяина его же тростью, Митюха в конце повествования “...вышел и куда-то подевался. Так и найти не могли. А поделку его и потом люди видели”¹⁷.

И еще один тип поведения ребенка в мастерской семье, овсяный “светлой безысходностью”, показан Бажовым в сказе “Таяуткино зеркальце”. Не наделенная от природы никаким особым талантом, кроме озорства и ребячьей выдумки, Таяутка с раннего детства оказалась перед выбором выживания. Отец ее, Гая Заря, рано овдовев, был вынужден брать девочку с собой в шахту, чтобы хоть как-то уберечь ее от голода и побоев сверстников, живших под материнской опекой. “Стану брать Таяутку с собой. В шахте у нас тепло. И на глазах будет. Хоть сухой кусок, да вовремя съест”¹⁸. А когда безответного Ганю надзиратель Ераско

Поспешай, “лисьей повадки человечешко”, отправил чистить обвалившийся забой, он и вовсе решил: “...не лучше ли ее с собой взять. Какое ее житье, коли живым не выйду!”¹⁹ Тайная сила и здесь, однако, не подвела, и Таютка и отец вернулись из шахты. Более того, сметливая девчонка повеселила рудобойный народ, найдя “Хозяйкино зеркало”, выход полированной руды, а себе, как бы случайно, нашла Хозяйкин подарок, вогнутое зеркальце, талисман, сохраненный на протяжении всей жизни. “Большого счастья оно не принесло, а все-таки свою жизнь она не хуже других прожила”²⁰.

Можно сказать, что произведения Павла Петровича Бажова, основанные на фольклоре, общенародные по содержанию, гуманные, глубоко народны и по языку и по стилю. Даже дети в его произведениях используют выражения, свойственные народному просторечью, сдобренные профессиональной лексикой старателей. Но это не выглядит упрощением. Наоборот, меткое выражение, хлесткая характеристика (“чисто лиса, так и метет, так и метет хвостом”, “лисьей повадки человечешко”, “клюнул, как язык на колобок”), с помощью емкого народного слова раскрывают основные черты человека.

Наивысшей оценкой своего творчества Бажов считал признание своих сказов и взрослыми и детьми. Краткость и емкость вложенной идеи — вот что ценил он в своих произведениях. Предпочитая словесам лаконизм, в своем письме Е. А. Пермяку он говорит: “...не люблю длинных вещей. Мне кажется, они похожи на товарный поезд. Первый десяток вагонов при встрече пропускаешь с удовольствием, с любопытством, дальше полоса безразличия, а еще дальше думаешь, когда же это кончится... То ли дело коротышка. Ее одолеть легко, а отдача тоже бывает, и неплохая, если коротышка сделана”²¹. “Коротышкам” Бажова была предопределена счастливая судьба, о которой рассуждал другой замечательный писатель М. М. Пришвин, заметивший однажды: “Испытанием таланта писателя для взрослых может служить маленькая вещица, годная в детскую хрестоматию”²².

Сказы П. П. Бажова — не только литературные произведения высокого нравственного уровня, но средоточие народной деловой сметки, прославляющее умение держать данное однажды рабочее или купеческое слово, подмечать деловые и промысловые тонкости. Их можно смело назвать учебником деловой этики и нравственного, свойственного только русским деловым людям поведения в деловой среде. Бажовские сказы, как показало время,

историческое испытание уже выдержали и для многих эти произведения с детства и навсегда остались настольной книгой.

-
- ¹ *Бажов П. П.* Уральские сказы. М., 1987. С. 11.
 - ² Там же. С. 221.
 - ³ *Бажов П. П.* Соч.: В 3 т. М., 1952. Т. 2. С. 159.
 - ⁴ *Он же.* Малахитовая шкатулка. М., 1987. С. 194.
 - ⁵ Там же. С. 198.
 - ⁶ *Бажов П. П.* Уральские сказы. С. 136.
 - ⁷ *Бажов П. П.* У старого рудника // Соч.: В 3 т. М., 1952. Т. 2. С. 309.
 - ⁸ *Он же.* Малахитовая шкатулка. С. 37.
 - ⁹ Там же. С. 51.
 - ¹⁰ Там же. С. 55.
 - ¹¹ *Радаев В. В.* Экономическая социология. М., 1997. С. 101.
 - ¹² *Зомбарт В.* Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М., 1994. С. 6.
 - ¹³ *Бажов П. П.* Малахитовая шкатулка. С. 80.
 - ¹⁴ Там же. С. 81.
 - ¹⁵ Там же. С. 89.
 - ¹⁶ Там же. С. 86.
 - ¹⁷ Там же. С. 89.
 - ¹⁸ *Бажов П. П.* Уральские сказы. С. 136.
 - ¹⁹ Там же. С. 137.
 - ²⁰ Там же. С. 145.
 - ²¹ *Бажов П. П.* Соч. Т. 3. С. 333.
 - ²² *Пришвин М. М.* Незабудки. М., 1969. С. 46.

В. В. Гриценко

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО НАЛОГОВОГО ПРАВА КАК НАУКИ

Разнообразие мнений по вопросу о месте и роли налогового права в системе права обосновывается тем, что в настоящее время оно представляет собой качественно новое правовое явление. Формирование налогового права России приходится на начало 90-х гг. XX в. Развитие налоговой реформы с учетом накопленного опыта и состояния экономики страны, возможно, позволит четко и ясно определить “статус” налогового права¹.

В современный период коренных изменений российского общества особую значимость приобретает *налоговое право как наука*², в рамках которой осуществляется разработка теоретических положений